

Они первыми входят в ад, или Тотальный заговор

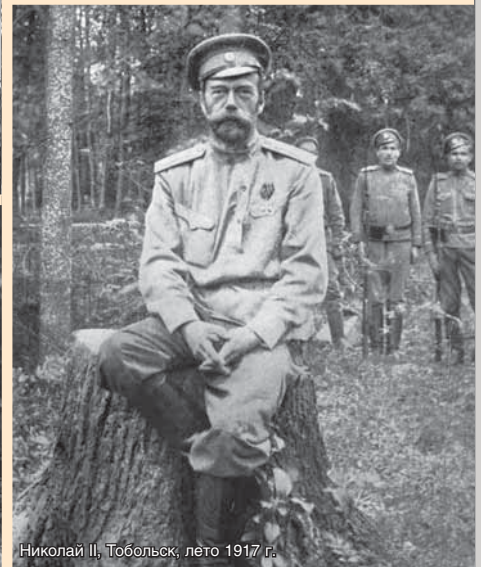
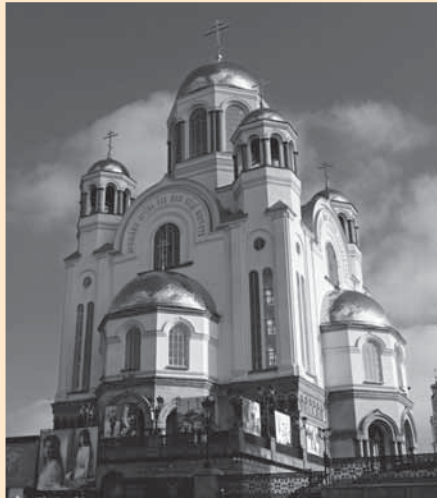
Рыбас
Святослав
Юрьевич —
председатель совета
директоров Русского
биографического
института, член Общественного совета
при Министерстве культуры РФ.

Мы начинаем публикацию фрагментов из новой книги С.Ю. Рыбаса «Они первыми входят в Ад, или Тотальный заговор». Это книга о феврале 1917 года, тайных обстоятельствах и фигурах государственного переворота, совершенного политической, финансовой и военной верхушкой Российской империи. Автор рассматривает природу заговора как проблему взаимоотношений общества и власти на фоне столкновения внутриэлитных экономических и политических интересов, а также международной конкуренции за доступ к ресурсам и коммуникациям.

Царская семья Романовых

Николай II, Тобольск, лето 1917 г.

Расстановка сил будущего заговора и переворота

В феврале 1917 г. рассыпалась сказка о Святой Руси, о народе-богоносце, о могучей державе, о неодолимой русской силе и царе, народном заступнике. Из окон и дверей опустевшего дворца вылезли ликующие карлики в пиджаках, и запылал пожар. Почему так случилось, никто не понимал, никто такого не желал, никто не затевал пожара, в котором они все сгинули. Как сон про-

летело — 10-миллионная армия, великая культура, имперская традиция. Ничего не осталось. Революция! Гигантское преступление, из-за своей обширности названное этим загадочным именем. Она началась почти 100 лет назад и, как уверен автор, не завершилась до сей поры. Возможно, при более детальном рассмотрении выяснится: и не 100 лет назад, а гораздо раньше.

Что представляла собой Российская империя в начале XX в.? Ве-

лика держава, соперничавшая с другими великими — Германией, Великобританией, Францией, Северо-Американскими Соединенными Штатами (США), Австро-Венгрией. Правда, она не самая развитая в промышленном и финансовом плане, ее население далеко не самое образованное и состоятельное, ее элита уже не едина. Однако потенциал огромен, темп развития высок, военная мощь колоссальна, внутренний рынок обширен, культурные и научные достижения

В.О. Ключевский

беспорны, предпринимательские круги пассионарны, интеллигенция бескорыстна, в целом оппозиционна коронной власти и политически активна.

Власть же сосредоточена в руках узкого правящего класса во главе с монархом, что на протяжении всей истории было вынужденной мерой и объяснялось цивилизационными и географическими особенностями страны.

В целом такая картина: огромные пространства, недостаточная связь центра с регионами, постоянная борьба с холодным климатом, скудные почвы и урожаи, сверхнапряжение населения, колоссальные расходы на оборону, сверхцентрализация. Самое северное в мире государство (близко ничего нет похожего на теплый Гольфстрим!) должно было быть нежизнеспособно. Но Россия, пережив периоды раздробленности и смут, стояла. К XX в. многое стало меняться. Промышленный переворот вызвал к жизни образованный класс, обслуживавший это развитие и ставший конкурентом существующей системе управления. В политическом и философском плане это была борьба за демократические свободы. В историческом — напомина-

ло противостояние двух разных русских государств, Новгородской купеческой республики и Московского княжества.

В имперском политическом ядре родилось противостояние двух конкурирующих сил. Правда, сначала они не могли обойтись друг без друга, ибо для преодоления экономической архаики требовалось сотрудничество, потом обнажились противоречия. Весь XIX в. мы видим постепенное изменение в составе экономически активного населения, простонародная Русь прорастала в торговлю и промышленное производство, готовя для будущих политических столкновений энергичных «чумазных» борцов. Если бы сотрудничество завершилось мирно, то сейчас мы жили бы в другой стране.

Вспомним одну характерную подробность нашей истории. 4 мая 1935 г. руководитель Советского Союза И.В. Сталин, проводивший, как и Петр Великий, самые радикальные реформы, выступал на приеме в Кремле перед выпускниками военных академий. Из тысячи с небольшим выпускников академий более половины были инженерами, из них 80 процентов на-

правлялись не в армию, а в промышленные наркоматы. Обращаясь к ним, Сталин охарактеризовал дореволюционную Россию так: «Громадная страна, которая по своему составу, с некоторыми очагами промышленности, точками, где мерцают, теплятся огоньки культуры, а по преимуществу — средневековье» [1, с. 50].

Здесь ключевое слово «средневековье». В неправленной стенограмме сталинской речи оно есть, а в отредактированной и опубликованной в газете «Правда» отсутствует. Почему? Потому что яркие проявления прошлого еще не исчезли и в период социалистической модернизации, а в начале века — и по-прежнему.

Второе важнейшее определение в той речи — слова о том, что современные кадры рекрутируются из среды простых крестьян, которые, добавим мы, не только стремились к социальному успеху, но и несли в себе мощную традицию средневековой общинной психологии.

В начале XX в. перед Санкт-Петербургской империей, которая жила европейскими заветами Петра Великого и одновременно традицией «властесобствен-

ности» Московского княжества, встал вопрос: как пройти по лезвию бритвы?

Уместно напомнить одно умозаключение историка Василия Ключевского: «Прошедшее нужно знать не потому, что оно прошло, а потому, что, уходя, оно не унесло своих последствий». Эти слова мог повторить и последний царь, пытавшийся соединить и примирить конкурирующие силы.

Мысль Ключевского представляется универсальной и для анализа обстоятельств заговора российской элиты против императора и Верховного главнокомандующего Николая II.

Почему накануне решающих побед на фронте в 1917 г. имперская элита совершила переворот? М.В. Родзянко, председатель Государственной думы (ГД) и один из заговорщиков, выбрал эпиграфом к своим мемуарам слова Талейрана: «Никто не устраивает революцию и никто в ней не повинен. Виноваты все». Неужели «все»? Несмотря на некоторое лукавство этой мысли, примем ее как признание просчетов и запоздалое раскаяние.

Перед мировой войной Россия не успела завершить экономические реформы (Витте, Столыпин). Она находится перед решающей развилкой: либо продолжать догоняющую модернизацию, оставаясь сырьевым придатком Запада, либо совершить рывок, опередив собственное историческое время.

Темпы роста ее национального дохода на душу населения соответствуют европейским показателям. А что ждет ее в конце гонки? Очевидно, что элита обязана вести и ведет поиск альтернатив и сил, на которые можно опереться. Финансовых источников развития было мало: экспорт сырья и инвестиции иностранного капитала, внешние

заимствования. Соответственно, за этими источниками стояли мощные группировки с разными интересами.

Между ними шла постоянная борьба. Возьмем «Дело „Продугля“» — синдиката, контролируемого французскими банками (75% всей российской угледобычи). Для максимализации прибыли он применял запрещенные методы конкуренции вплоть до искусственной приостановки производства с целью повышения цен. Конфликт государства и синдиката приобрел системный характер. «В 1914 году в своих столкновениях с финансовым капиталом правительство уже чувствовало, что хотя оно и является распо-

«Прошедшее нужно знать не потому, что оно прошло, а потому, что, уходя, оно не унесло своих последствий...»

рядителем, столь привлекательным для финансового капитала, казенных денег, но уже далеко не свободным в своих действиях полновластным их хозяином. В отдельных группах буржуазии в это время заходят разговоры о власти. И вот правительство решает дать бой за свой авторитет. Эффект был неожиданный — вокруг „Продугля“ под лозунгом „мы можем обойтись без чиновника“ сплотилась вся крупная буржуазия, даже ее фракции, не особенно дружелюбно настроенные к иностранному капиталу» [2, с. 225].

Зафиксируем позиции. Экономическая элита, влияя на партии, общественные движения, редакции газет, теснит государственную бюрократию и претендует на участие в реальной власти. А государство? Оно вынуждено лавировать и даже уступить.

Не случайно английский экономист Теодор Шанин считает предвоенную Россию «полуколонией Запада».

Однако перед войной противоречия еще как-то разрешались в различных компромиссах и сглаживались позитивными результатами экономического развития. Мощное высокоцентрализованное государство могло мобилизовать значительные ресурсы и сдерживать политическое и экономическое давление. Особое значение имели вынужденный компромисс после революции 1905 г. и создание парламента, Государственной думы.

Была в политическом поле, хотя и несколько в тени, еще одна сила, независимая от иностранного капитала и конкурирующая с «питерскими космополитами», — московские так называемые ситцевые капиталисты.

У них были свои банки и заводы, свои газеты и собственное видение будущего страны. Отечественная текстильная промышленность, берущая начало с крестьянских мануфактур, принадлежавших в основном старообрядцам, развивалась за счет собственных средств вне влияния иностранных банков. Они не забыли многовековых жестоких преследований за веру со стороны властей.

Эта группа, «национальная Россия», сыграла выдающуюся роль в феврале. В своей газете «Утро России» лидер группы Павел Рябушинский высказался предельно откровенно в отношении режима: «Жизнь перешагнет труп тормозившего ее сословия с тем же равнодушием, с каким внешняя вода переливается через плотину».

Москва выражала Санкт-Петербургу свое несогласие и претендовала на политическое лидерство. Такая активность не могла не вызвать сопротивления

«Сотни миллионов русского золота уходят за границу вместо того, чтобы оставаться в своей стране...»

в столичных банковских кругах, в том числе экспортеров-сырьевиков и клиентов западных банков. Принадлежавшая Конституционно-демократической партии (кадеты) газета «Речь» обличала московский капитал как «самую косную, самую инертную разновидность русского капитала». В ответ газета «Утро России» заявила, что «купец» изуверился не только в правительстве, но и в кадетях, «представителях буржуазного социализма», не способных отстаивать общенациональные интересы, выражаемые московскими промышленниками. За месяц до начала мировой войны один из лидеров москвичей, крупнейший текстильный магнат, будущий министр торговли и промышленности Временного правительства А.И. Коновалов, с трибуны Государственной думы резко выступил за защиту отечественного рынка и против постоянного роста импорта, который он назвал «чрезвычайно печальным явлением»: «Сотни миллионов русского золота уходят за границу вместо того, чтобы оставаться в своей стране».

Сердцевиной мировоззрения старообрядцев были эсхатологические ожидания, то есть представления о падении благочестия, о конце света и втором пришествии Христа. Они были убеждены, что антихрист торжествует и поэтому надо до второго пришествия хранить в первозданной чистоте истинную веру предков и свою религиозную общину. Каждый старообрядец исповедовал личную ответственность перед Господом и общиной. Отсюда и особая деловая этика старообрядцев, их стойкость, честность, мужество: «Все для дела — ничего для себя».

Если учесть, что патриархальная старорусская Москва всегда была внутренне оппозиционной к космополитическому Петербургу, то рост экономической мощи москвичей рано или поздно должен был приобрести и политическую направленность.

Впрочем, «косность» москвичей на самом деле была очень своеобразной и выражалась в проектах общенационального уровня. Так, они создали Художественный театр Станиславского и Немировича-Данченко, картинную галерею С.Н. Третьякова, организовали урановую экспедицию «отца русского атома» академика В.И. Вернадского и систему коммерческих училищ, основали первый в Европе Аэродинамический институт, начали строительство автомобильного завода АМО («Автомоторное общество»), будущий советский ЗИЛ), издавали авангардистские журналы, строили для рабочих своих предприятий больницы, школы и жилье.

Но пока обе группы конкурировали, трудно было предвидеть, что они станут союзниками в политической борьбе. Для коронной власти было очень важно не дать им объединиться. Пусть экономика в руках буржуазии, но государство незыблемо в своей сословно-монархической основе и без его участия никакой бизнес не сможет развиваться. Его ставка на форсированное развитие промышленности под защитой протекционистских тарифов и с привлечением западного капитала результативна. В стоимостном выражении за десять предвоенных лет промышленность выросла почти на 90%. Где здесь разглядеть базу будущего заговора и переворота?

Упомянем и такую мощную группу, которую Александр Солженицын назвал «передовым отрядом, создавшим мир капитала (преимущественно в его финансовых формах)» [3, с. 251]. Речь идет о предпринимателях-евреях. Будучи долгие годы ограниченными в правах, психологически закаленные и спаянные взаимовыручкой, они в чем-то походили на русских старообрядцев.

Кроме экономики были еще другие индикаторы перемен — в образовании и культуре. Резко выросло число молодых людей, окончивших гимназии и реальные училища. По этому показателю Россия обогнала Францию, а по числу студентов вузов была на одном уровне с Великобританией. Зададимся вопросом о будущем этой молодежи. Куда она шла? На заводы и фабрики, в банки, в адвокатуру, в университеты, редакции газет и журналов, в медицину — словом, в те сферы, где общая динамика развития страны открыла ей дорогу. А в идейном плане, скажем прямо, это динамика либерально-оппозиционная. Она противоречит государственной консервативно-охранительной. И велик риск того, что сатирик М.Е. Салтыков-Щедрин с сарказмом определил так: «Образование чревато кровопролитием».

Таков внешний контур политической ситуации накануне роковых действий.

Правда, мы еще не сказали о молчаливом присутствии в нашей трагедии крестьянского общинного коммунизма, охватывающего большинство населения (85%), в подавляющем большинстве живущее «натуральным продуктом». Оно в своей основе было равнодушно к рыночным отношениям, и на него опирался политический режим. Император прежде всего был царем русских крестьян и только во вторую очередь руководителем

государства для остальных подданных.

Мы подходим к сфере народной психологии. Как известно, Россия по преимуществу православная страна. Христианство восточного обряда, принятое Древней Русью от Византийской империи, сыграло здесь выдающуюся роль.

Пока Россия была единой — монархи православный общинный народ — она была непобедима. Власть опиралась на многовековую традицию государственности, национальную культуру, опытный бюрократический аппарат, традиционные взгляды подавляющего большинства населения, поддержку Церкви, сильную армию, геополитических союзников.

Кто мог предугадать, что через несколько лет империи не станет, а царь и его семья будут убиты?

Взрывающей покой вечности

На плечи императора лег исторический груз предшествующих царствований — последствия Крымской (Восточной) и русско-турецкой войны, недовершенных реформ 1860-х годов, объединения Германии, промышленного переворота, быстрого проникновения иностранного капитала в экономику империи, разложения дворянского сословия, подъема отвергающего абсолютную монархию индустриального модерна. Чтобы выдержать, ему надо было обладать натурой мужественной, безжалостной, подобной натуре Петра Великого (которого он, впрочем, не любил).

Всеобъемлющий образ того времени дал философ Петр Струве: «Деньги, а не натуральный продукт, взрывают покой вечности».

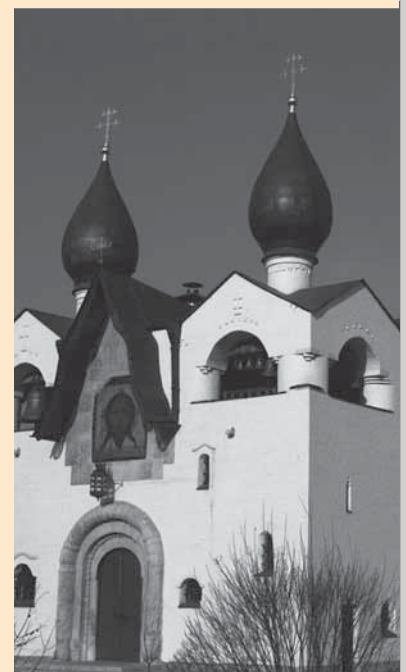
Какая это «вечность», объяснил А.Н. Энгельгардт: «По понятиям

мужика, каждый человек думает за себя, о своей личной пользе, каждый человек эгоист, только мир (мир) да царь думают обо всех, только мир да царь не эгоисты. Царь хочет, чтобы всем было равно, потому что всех он одинаково любит, всех ему одинаково жалко. Функция царя — всех равнять».

Во всяком случае, равнение, по мнению мужика, не может быть по отношению к кому-нибудь неправдой или обидой. Видя, что у помещиков земли пустуют или обрабатываются не так, как следует, видя, что огромнейшие пространства плодороднейшей земли, например, из-под вырубленных лесов, остаются невозделанными и зарастают всякой дрянью, не приносящей никому пользы, мужик говорит, что такой порядок царю в убыток» [4, с. 540–541].

Николай II вполне отвечал народным представлениям. Он был архаичен для своего времени, и никогда деньги не стояли у него на первом месте. Например, хранившиеся в английских банках его личные средства, 200 млн рублей (сегодня это около 5 трлн), он во время войны без колебаний пожертвовал на нужды раненых, увечных и их семей, не оставив себе ни копейки.

Еще ярче пример с освоением нефтепромыслов в Баку. Его двоюродный брат великий князь Александр Михайлович предложил создать государственное нефтедобывающее общество, прибыль которого должна была пойти на промышленные программы, в том числе судостроение. Правительство и император отвергли предложение, Александра Михайловича даже обругали «социалистом». В итоге, как писал великий князь, «нефтеносные земли были проданы за бесценок предприимчивым армянам (<...>), громадные суммы были потеряны для рус-

Великий князь Александр Михайлович

ского государственного казначейства безвозвратно» [5].

Здесь надо дополнить воспоминания великого князя: не одни «предприимчивые армяне» стали владельцами бакинской нефти, но и Нобели, Ротшильды, Рокфеллеры, что вполне было в духе проводимой экономической политики.

Воспитанный под строгим присмотром отца, 26-летний царь имел характер скрытный, недоверчивый, упорный. Он осознавал свою миссию как самоотверженное и не связанное никакими земными расчетами служение Господу. Это часто проявлялось в нежелании спорить с министрами, отстаивавшими иные, чем он, позиции, и в неожиданных для них увольнениях — как им казалось, без всяких поводов и разногласий. Показательно, что у царя никогда не было личных секретарей. Он не любил доверять свои мысли другим людям, не хотел случайно оказаться под влиянием приближенного человека. Как вспоминал начальник канцелярии министерства двора Александр Александрович Мосолов, царь «желал слушаться лишь своей совести».

Отцовское наследие было впечатляющим. В росписи доходов, составленной министром

финансов С.Ю. Витте, указывалось, что с 1881 по 1893 г. промышленность росла бурными темпами, только протяженность железных дорог увеличилась с 21 226 до 33 869 верст, то есть на 60%. Соответственно, железнодорожное строительство тянуло за собой металлургию, угле- и нефтедобычу, тяжелое машиностроение, электроиндустрию, химическое производство.

После Крымской (Восточной) войны, проигранной из-за технологического отставания от Англии и Франции, это были свидетельства подлинной промышленной революции, ставшей памятником покойному императору, который без либеральных послаблений вел страну к преуспеянию. К заслугам и его, и его отца следует отнести выбор выдающихся экономистов на пост министра финансов, который последовательно занимали профессор-экономист Киевского университета св. Владимира Н.Х. Бунге, профессор-математик и директор Петербургского технологического института И.А. Вышнеградский, железнодорожный управляющий С.Ю. Витте. При их активном участии был разработан покровительственный тариф 1891 г., сыгравший исключительную роль во внешней торговой политике России

и ставший защитой для развивавшейся промышленности.

Покойный император был сторонником мирного развития страны, его неофициально именовали Миротворцем, поэтому его сын мог спокойно смотреть в будущее, следуя по проторенному пути. Была введена «винная монополия», о которой критики говорили, что правительство «спаивает народ», хотя на самом деле была ликвидирована старая коррупционная «откупная» система, породившая особую группу предпринимателей, сконцентрировавших у себя огромные капиталы. Государственная монополия пополнила бюджет, устранив посредников. Важнейшим решением Николая II стал переход к золотому обеспечению рубля, что стабилизировало курс российской валюты и гарантировало устойчивый приток зарубежного капитала. Таким образом, он подвел итог подготовительной работы, начатой еще министром Бунге. Была ликвидирована неустойчивость рубля, тормозившая развитие торговли и промышленности. Правда, пострадали помещики-хлеботорговцы, которым слабый рубль был выгоден. Но чему тут удивляться? В целом вся экономическая политика базировалась на решительном изымании

средств из сельского хозяйства и перекачивании их в промышленность.

Что означал переход на золотой стандарт с точки зрения международных финансов? Однозначного ответа мы не найдем. Экономисты правого толка проклинали Витте, банкиры и либералы возносили его до небес. Ответить на вопрос поможет статья в старом советском журнале: «<...> послевоенная политика американского финансового капитала состоит в насаждении золотого стандарта в европейских странах с целью создать „устойчивую обстановку“ и помешать торговому соперничеству конкурентов, прибегающих к „демпингу“ на основе низкой валюты. „Мы не можем забывать, — пишет партнер Моргана Лямонт, <...> что развитие нашей внешней торговли, которая по импорту и экспорту достигла в 1928 году 10 миллиардов долларов, в значительной степени зависит от регулирования нашей международной банковской системы, которая в свою очередь во многом зависит от сохранения золотого стандарта» [6].

Да, Витте осознанно шел на включение слабой финансовой системы России в международную, где надеялся со временем, если не обыграть конкурентов, то подтянуться к ним.

В своих воспоминаниях он признал, что опирался исключительно на «одну силу, но силу, которая сильнее всех остальных» — на доверие императора, поэтому реформа, открывшая западному капиталу дорогу, могла состояться.

Сергей Юльевич займет в нашем повествовании достойное место, будучи в разные времена и сторонником, и противником царя. Метаморфозы этого выдающегося политика были настолько

В стоимостном выражении за десять предвоенных лет промышленность выросла почти на 90%.

показательны, что могут служить оптикой, сквозь которую видны подробности начавшейся тогда гонки со временем.

Гибель во имя развития?

Российская империя была построена дворянами и погублена дворянами. В течение почти двухсот лет, от Петра Великого, сделавшего из дворян пожизненных «слуг государевых», которых от службы могли освободить только увечье или смерть, до Петра III, освободившего их от обязательной службы, и Великих реформ, отнявших у них крепостных работников, представители первого сословия постепенно утрачивали свое главенство. Это сословие становилось похоже на разбитого параличом родственника, который уже не живет, но еще не умер. Потомки героев Полтавы, Бородина, Севастополя в большинстве своем либо превратились в чиновников, либо, заложив и перезаложив свои имения в Дворянском поземельном банке, становились экономическими мертвецами.

Как отмечал инженер и предприниматель барон Николай Врангель, отец белогвардейского генерала Петра Врангеля: «Ни помещики, ни крестьяне к новым порядкам подготовлены не были, с первых же шагов начались хозяйственная разруха и оскудение. Помещики, лишившись даровых рук, уменьшили свои запашки, к интенсивному хозяйству перейти не сумели и в конце концов побросали свои поля, продавали свои поместья кулакам и переселились в город, где, не находя дела, проедали свои последние выкупные свидетельства. С крестьянами было то же. Темные и неразвитые, при-

вывшие работать из-под палки, они стали тунеядствовать, работать спустя рукава, пьянствовать. К тому же в некоторых губерниях наделы были недостаточные. И повсюду попадались заброшенные усадьбы, разоренные деревни, невозделанные поля. Леса сводились, пруды зарастали, молодое поколение крестьян уходило в города на фабрики. Старая Русь вымирала, новая еще не народилась» [7].

Уже требовались не отвага и мужество в битвах, а иные достоинства. К 1897 г. почти половина (47,2%) дворян, проживавших в Европейской России, утратили связь с землей и стали горожанами, тогда как еще тридцать лет назад таких было только 15–20 процентов [8, с. 203].

Дворянские дети смотрели на жизнь другими глазами, хотя коронная власть по-прежнему считала их неизменной опорой. После крестьянской реформы 1861 г. первое сословие передало вчерашним крепостным почти треть (28%) своей земли. С 1862 г. оставшиеся в руках дворян Европейской части России 87,2 млн десятин (без учета земель в прибалтийских губерниях) сократились за следующие 52 года до 41,1 млн десятин — на 53%. И не надо обольщаться мыслью, что оставшиеся землевладельцы располагали обширными поместьями. На самом деле, судя по структуре частного личного землевладения в Европейской России, мелких собственников (до 100 десятин) было огромное количество — 91,7%, а крупных (свыше 1 тыс. десятин) — 1,2% [9, с. 823]. Угасала поместная Атлантида, столь поэтично описанная мелкопоместным орловским дворянином Нобелевским лауреатом Иваном Буниним.

Но если посмотреть с другой стороны, в Англии и Франции капитализм утвердился в результате взрывных буржуазных революций, разгромивших феодальную власть, и после этого распространение новых социальных законов на соседние страны стало подобно медленному истеканию лавы из вулкана. Теперь реформы стали возможны эволюционными средствами за счет постепенных уступок правящей элитой своих абсолютных прав. Как сказал царь-освободитель, лучше было дать волю «сверху», чем дожидаться освобождения «снизу». «Сверху» означало минимальные необходимые жертвы со стороны дворянства ради сохранения доминирующего положения, чтобы успеть перестроить полусонную экономику.

Поэтому освобождение крестьян было весьма условным, так как главный источник их существования, принадлежавшая дворянам земля, подлежал денежному выкупу и переходил не в личную собственность, а в распоряжение своеобразного посредника — крестьянской общины.

Реформа была попыткой удовлетворить обе стороны противостояния, однако этого не случилось и не могло быть в принципе.

Крестьянин выплачивал помещику 20% выкупной суммы, а остальные 80% вносило государство, кредитуя «освобожденных» на 49 лет. Ежегодный платеж по этому кредиту составлял 5,6% выкупной суммы, общая сумма выплат составляла 294% от суммы кредита. Финансовый итог: к 1906 г. крестьяне заплатили 1 млрд 571 млн рублей выкупа за земли, стоившие 544 млн рублей. Помещики же получили сумму, равную трем государственным бюджетам, правда, большинство поместий к тому времени было заложено, и доход от продажи земли значительно

уменьшился. И что очень существенно — помещики лишились даровой рабочей силы, утратили господствующее положение в своей местности.

Крестьяне тоже были сильно разочарованы, посчитав «освобождение» обманом со стороны помещиков. Их «благодарность» была выражена 1176 восстаниями (с 1855 по 1860 г. их было 474). За два года после реформы правительство успокаивало своих подданных военной силой в 2115 селах. Именно тогда под фундамент империи был заложен фугас революции, сначала взорвавшийся в ногах царя-освободителя, а потом разметающий и все государство.

Пока Россия была единой — монарх и православный общинный народ — она была непобедима.

Молодой император должен был знать о настроениях народа. Реформа вызвала процесс быстрого обнищания крестьян, средний земельный надел с 1860 по 1880 г. в связи с ростом населения уменьшился с 4,8 до 3,5 десятины (почти на 30%), появилось множество разорившихся крестьян, живших случайными заработками, чего практически не было до «освобождения».

Перерождение дворян-землевладельцев тоже становилось фактом драматических перемен, как будто на государственном корабле команду поразила невидимая болезнь. Этот поворот произошел на фоне индустриализации, расширения внешней торговли и втягивания населения в торгово-производственную деятельность.

Современный историк Андрей Ильич Фурсов, говоря о состоянии правящей верхушки, обратил внимание на следующие обстоятельства: «Дело в том, что

традиционно в России был очень небольшой, очень невысокий уровень прибавочного продукта. И это обуславливало следующее явление. Во-первых, наши господствующие группы были всегда довольно бедны. Считающееся модельной группой дворянство на пике своего развития, в „золотой век“, между 1779 и 1861 годами, для того чтобы вести социально приемлемый образ жизни, должно было иметь сто душ или их денежный эквивалент. Только 20 процентов дворянства имели такой эквивалент, причем половина из них жили в долг. И жили в долг таким образом, что в 1861 году, когда Александр II отменил крепостное право, 66 процентов

крепостных уже были заложены государству, и именно поэтому их можно было освободить. Так вот, 20 процентов господствующих групп в России — это те, кого можно называть действительно господствующими группами.

Низкий уровень прибавочного продукта обусловил еще одну вещь. У нас никогда не было денег для значительных бюрократий, поэтому на помещиков, на дворян всегда возлагалось несение еще и некоторых государственных функций. Картина царской России как бюрократической абсолютно неверна. Мы были недобюрократизированной страной. Поэтому, кстати, и Советский Союз был недобюрократизированной страной по сравнению с теми же Соединенными Штатами Америки. Для того чтобы в России появились классы западного, или, как сказал бы Александр Зиновьев, западоидного типа, будь то феодалы или буржуазия, господствующие группы в России должны

были начать отчуждать, выражаясь для простоты и сокращения времени марксистским языком, отчуждать у населения не только прибавочный продукт, но и часть необходимого продукта. В связи с этим одной из главных задач русской власти всегда было ограничение экономических appetитов господствующих групп. В этом плане власть всегда вела себя очень жестко, и не потому, что любила народ, власть к народу всегда относилась наплевательски, и народ ей платил тем же. Но и власть, и народ имели один общий интерес: не позволить олигархизацию власти и не дать возможность господствующим группам слишком сильно вторгаться в сферу необходимого продукта.

Всего два раза в истории русская власть нарушила это фундаментальное правило русских господствующих групп. Первый раз — после александровских реформ, и все закончилось 1905–1917 годами, когда система себя скорректировала. Второй раз — с конца 80-х годов и до нашего времени. Верхушка, которую мы имеем сейчас, сформировалась на основе нарушения этого правила русской власти, по которому верх — центроверх государства — не

должен эксплуатировать население, не должен грабить вместе с господствующими группами, а должен ограничивать их в этом плане (что же, история повторяется? — *Авт.*).

Иначе говоря, первая характеристика элиты (в нормальном состоянии русской истории, будь то советской или российской) — это довольно бедные группы, у которых есть некий лимит на эксплуатацию населения» [10].

В общем все это можно назвать ключевой проблемой государственного управления: создание баланса сил и интересов между властью и народом и уменьшение appetитов верхов.

Авторы Великих реформ 1860-х годов поняли, что в управлении происходит что-то непредвиденное — тогда последовал указ о создании земского самоуправления, легендарного русского земства, столь много сделавшего и выдвинувшего на имперскую сцену деятельное поколение политиков, которое в конце концов стало во главе февраля. Одной из целей Земской реформы было стремление «вознаградить дворян за потерю помещичьей власти», предоставив им «первенство в местной хо-

зяйственной администрации». Однако «вознаграждение» вывело в лидеры провинциальной жизни отряды кооператоров, учителей, агрономов, механиков, врачей, землемеров, которые самим фактом своей деятельности противостояли старорежимным дворянам.

Огромные выкупные платежи за землю, полученные помещиками после реформы 1861 г., улетели как дым. За десятилетие 1863–1872 гг. они получили 772 млн рублей, которые были пущены в основном на непроизводительные расходы. П.П. Рябушинский прямо обвинил первое сословие: «дворянский класс, давший России писателей и поэтов, наслаждался жизнью, но совершил великий и тяжкий грех тем, что не приблизил к культуре толщи русского народа» [11, с. 784].

Более того, со временем земцы дали подопечным крестьянам не только практические знания, но и нечто другое. Одно из самых радикальных выступлений земских деятелей конца 1870-х годов — записка И.И. Петрункевича (в будущем депутат Государственной думы, один из учредителей Конституционно-демократической партии, ставшей мозговым центром фев-

П.А. Столыпин

М.В. Родзянко

ряля) «Очередные задачи земства» (1879 г.) с требованиями свободы слова и печати, созыва Учредительного собрания. Вершиной земского самоуправления виделся созыв представительного органа при императоре. Экономические требования земского либерализма заключались в снижении выкупных платежей, отмене паспортной системы и круговой поруки для крестьян, отмене подушной подати, введении прогрессивного подоходного налога, организации переселений и мелкого поземельного кредита для крестьян как способов решения проблемы малоземелья. Короче говоря, весьма быстро земство превратилось в еще до конца не оформленную политическую структуру.

К тому же изменился состав населения. В 1860 г., накануне Великих реформ, в России было около 20 тыс интеллигентов, к концу века — около 200 тыс. Эта армия не могла долго оставаться без стратегии, штабов и командиров.

Удивительно наблюдение Сергея Трофимовича Семенова, крестьянина, оставившего уникальные записки «25 лет в деревне», о том, какую литературу предпочитали крестьяне: совсем не читается Тургенев с «Охотничьими рассказами» и поэма Некрасова «Кому на Руси жить хорошо», зато интересны «Капитанская дочка» Пушкина, «Кавказский пленник» Льва Толстого, «Сигнал» Всеволода Гаршина. Кажется, уж на что «народные» Тургенев и Некрасов, но их взгляд слишком «дворянский», чужой. Разумеется, культурные запросы простого народа не отличались эстетизмом. Да, неразвитый был народ, его ментальность была двойственна. Большинство по-прежнему находилось под властью общинных коллективистских представлений. Молодые и грамотные крестьяне, имев-

шие постоянные заработки в городе, уже выражали другие установки. В народной, лубочной литературе, которую они читали, появились новые герои. До конца XIX в. в этих книжках свобода и порядок рассматривались как взаимоисключающие категории. Противостояние выражалось в образе разбойника, который восстает против власти и становится свободным. В старых изданиях показывалось, что разбойник обречен и полученная незаконным способом свобода давит тяжким бременем. Он должен либо погибнуть, либо раскаяться. Раскаяние сопровождалось героическими деяниями во благо общины, церкви, государства. Индивид всегда уступал требованиям общины. Но эта доминанта изменяется, рядом с разбойником появляется новый персонаж — частный сыщик Нил Кручинин, такой же свободный, как и разбойник, но защитник общественного порядка и справедливости. Кроме сыщика в начале века родился еще один персонаж — предприимчивый человек, полагающийся на свои силы. Рынок народной литературы отразил появление потребителей новой философии.

Показательно, что, по словам А.А. Мосолова, простые люди, обслуживавшие царя и царицу, в политическом плане стояли не на стороне монархов. «При выборах в Думу дворянская прислуга голосовала преимущественно за эсеров» [12, с. 158].

Напомним, что эсеры были боевиками, проводниками террора.

Какой же вывод? К примеру, в 1902 г. на заседании губернского комитета гродненский губернатор (будущий премьер-министр) Петр Аркадьевич Столыпин, говоря о модернизации деревни, подчеркнул: «Ставить в зависимость от доброй воли крестьян момент ожидаемой реформы, рассчитывать,

что при подъеме умственного развития населения, которое настанет неизвестно когда, жгучие вопросы разрешатся сами собой — это значит отложить на неопределенное время проведение тех мероприятий, без которых немислима ни культура, ни подъем доходности земли, ни спокойное владение земельной собственностью» [13, с. 30].

Столыпин не был склонен идеализировать сельских хозяев. Экономическая обстановка дик-

Характерный случай приводит Н.Е. Врангель. Одна «молодая княгиня Б.», которую в высшем свете считали «немного красной» за то, что она «любуется с народом» (создала за свой счет школу и больницу), во время аграрных погромов 1904–1905 годов натолкнулась на крестьянские претезии: у нее потребовали «какую-то пустошь», грозили поджогом. Помещица примчалась в деревню, позвала крестьян «побеседовать». Явились все, стали убеждать, что любят ее, что она кра-

Не одни «предприимчивые армяне» стали владельцами бакинской нефти, но и Нобели, Ротшильды, Рокфеллеры.

товала необходимость расширения внутреннего рынка для растущей отечественной промышленности, а сделать это можно было только включив в активную экономическую деятельность народные массы. Не спрашивая на то их согласия.

Проводившаяся под руководством С.Ю. Витте индустриализация делалась за счет сельского хозяйства, аграрный сектор облагался налогами в 3–3,5 раза выше, чем промышленный, что создавало тупиковую ситуацию по причине схлопывания внутреннего рынка [14, с. 49–50].

Само по себе перекачивание денег в промышленность (в «капиталистического паразита», по Марксу) было разрушительно для архаичной массовой культуры.

Что же касается взаимоотношений не внутри простого народа, а между двух краев российского населения, простонародной Руси и дворянской верхушки, то здесь нельзя говорить о какой-то солидарности. Если среди дворян было немало «кающихся интеллигентов», то крестьяне смотрели на господ очень трезво.

савица, что пальцем тронуть ее не посмеют. Выслушав, княгиня спросила: «Вы моему слову верите?» И получив заверения, пообещала: «Если меня кто-нибудь обидит, хоть одну скирду спалит, спалю и вашу, и все соседние деревни. Поняли? Состояние на это потрачу, в Сибирь пойду, а сожгу дотла. Даю обет перед Богом. Не исполню — пусть меня гром убьет на месте. Смотрите! Вот крест кладу перед домам; разговаривать с вами больше не желаю». Эта история завершилась так: «Соседей всех разграбили, у нее и курицы не тронули» [7].

Отважная княгиня тогда сохранила свое имущество.

Однако под тонким слоем столыпинского рационализма тяжело шевелилась магма древних уравнилельных идеалов. Убийственный по разрушительности заряд культурного «низа» грозил сломом государственному порядку, сделавшему ставку на раздробление крестьянского мира на отдельные единицы.

ПЭС 16004/15.01.2016

Продолжение следует

Источники

1. Невежин В. Сталин о войне. Застольные речи. 1933–1945 гг. М., 2007. 320 с.
2. Гиндин И.Ф. Банки и экономическая политика России (XIX — начало XX в.). Очерки истории и типологии русских банков. М., 1997. 623 с.
3. Солженицын А.И. Двести лет вместе (1795–1995). Ч. 1. М.: Русский путь, 2001.
4. Энгельгардт А.Н. Из деревни. 12 писем. 1872–1887. М., 1987. 714 с.
5. Великий князь Александр Михайлович. Книга воспоминаний [Электронный ресурс] // Иллюстрированная Россия. 1933. URL: <http://militera.lib.ru/memo/russian/a-m/index.html>.
6. Танин М. Борьба мировых финансовых центров // Международная жизнь. 1930. № 6. С. 29.
7. Врангель Н.Е. Воспоминания: от крепостного права до большевиков [Электронный ресурс] // Добровольческий корпус [сайт]. URL: <http://www.dk1868.ru/history/vrang.htm>.
8. Беккер С. Миф о русском дворянстве. М., 2004.
9. Экономическая история России (с древнейших времен до 1917 г.): В 2 т. Т. 1. М.: РОССПЭН, 2008.
10. Фурсов А.И. Какая нам нужна элита? [Электронный ресурс] // Правда-TV.ru. 2010. URL: <http://wwwpravda-tv.ru/2010/08/06/4277/kakaya-nam-nuzhna-elita>.
11. Петров Ю.А. Павел Павлович Рябушинский: Российский либерализм: идеи и люди / Под общ. ред. А.А. Кара-Мурзы. М.: Новое издательство, 2007.
12. Мосолов А.А. При дворе последнего императора: Записки начальника канцелярии Министерства двора. М.: Анкор. 1993.
13. Рыбас С.Ю. Столыпин. М.: Молодая гвардия, ЖЗЛ, 2003.
14. Китанина Т.М. Хлебная торговля России в конце XIX начале XX веков. Стратегия выживания, модернизационный процесс, правительственная политика. СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 2011.